УДК 327.5

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРИТИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Багнюк Виталий Евгеньевич,
Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, кафедра конфликтологии, аспирант,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: vit1945@rambler.ru

Аннотация
В данной статье проводится конфликтологический анализ основных теоретических положений критической геополитики. Предпринятый анализ позволил установить, что критическая геополитика считает основными определяющими факторами, способствующими возникновению геополитических конфликтов – определенные конфликтогенные геополитические представления и идеи, задающие направленность и характер внешней политики. Сам геополитический конфликт, как феномен международной политики, рассматривается как результат конструирования в общественном сознании некоторых геополитических представлений о стратегической значимости для общества конкретных территорий и регионов или о возможных угрозах национальной безопасности.

Ключевые понятия:
геополитика, геополитические конфликты, географическое воображение, геополитический дискурс.

Как известно, вторая половина XX века стала для геополитики временем серьезных испытаний в плане ее дальнейшего признания как науки. В первую очередь это связано с тем, что после Второй мировой войны геополитика была сильно дискредитирована в связи с тем, что многие ее основные положения были использованы руководством Третьего рейха для обоснования своих захватнических планов и развязывания Второй мировой войны.

Немаловажную роль в процессе реабилитации геополитики сыграла работа Карла Хаусхофера «Апология немецкой геополитики». После смерти последнего его сын Альбрехт продолжил дело отца, написав книгу «Всеобщая политическая география и геополитика», в которой он выступил с критикой географического детерминизма, указывая на важность изучения влияния человека на пространство. Тем самым Альбрехт Хаусхофер создал предпосылки к появлению новых ревизионистских направлений в геополитической мысли.

Одним из таких направлений стала критическая геополитика, которая по-новому взглянула на роль пространственных факторов в международных отношениях, а также на причины и сущность геополитических конфликтов. Новое направление зародилось в конце 80-х годов XX века в недрах американской политической географии и политологии и получило название критической геополитики. На формирование данного направления в геополитике большое влияние оказала постмодернистская философия Мишеля Фуко, а именно его концепция «власти и знания» и структурное изучение дискурса, а также геополитические идеи французского геополитика Ива Лакоста.

Он известен тем, что рассматривал геополитику как науку, охватывающую не столько межгосударственные отношения, сколько изучающую соотношение сил внутри государства или некоторых территориальных сообществ. Недаром геополитические концепции Ива Лакоста называют школой «внутренней геополитики».

Основной задачей геополитики, с точки зрения Лакоста, является оценка и объяснение ситуации. В своих исследованиях он постоянно акцентирует внимание на том, что когда речь заходит о геополитике, под этим всегда подразумевается властное соперничество на определенных территориях и о людях, проживающих на них. При этом Лакост отмечает, что в геополитических конфликтах каждая из сторон использует

разные средства для того, чтобы доказать свое право на сохранение или распространение своего влияния на конкретной территории. И здесь фактически Лакост говорит о том, что в конкретный исторический период геополитическая ситуация определяется интенсивностью и формами территориального соперничества между различными геополитическими акторами. При этом французский геополитик отмечает, что сегодня возникают новые формы геополитических конфликтов, что связано с возросшим значением общественности и усилением роли СМИ [3, с. 138].

Как пишет Б.А. Исаев, Ив Лакост первым связал современную геополитику и общественное мнение, постановку геополитических проблем в демократическом обществе с работой СМИ, вообще влияние информационных систем на развитие геополитических процессов [1, с. 318].

Основателями же критической геополитики являются американские ученые Саймон Делби, Джерард О'Тоал и Джон Агнью. Последние стали известны после того, как в 1992 году была напечатана их статья «Геополитика и дискурс: практические геополитические рассуждения в американской внешней политике» [11, с. 190–204].

По мнению приверженцев данного подхода, геополитику не следует рассматривать как науку, занимающуюся исследованием неких объективно существующих географических факторов, которые артикулируют такие же объективные национальные интересы в мировой политике. Сущность методологического переворота, произошедшего в рамках критического подхода, – пространство перестало быть объективно заданным фактором геополитики, а стало восприниматься как социально конструируемое.

Как пишет политолог Игорь Окунев, данное направление подвергло серьезной критики классическую геополитику за поверхностный анализ политической карты мира, оправдание милитаризма, экспансии, излишнюю конфликтогенность многих геополитических концепций классического периода. Другими словами, в основе критической геополитики лежит тезис о том, что реальная геополитика государств формируется не только и не столько в силу определенных естественных законов и пространственных структур, а под воздействием географического воображения и определенных пространственных мифов и географических образов, формируемых в сознании политических элит и общества в целом [5, с. 152].

Таким образом, новое направление акцентировало внимание в первую очередь на средствах актуализации и использования пространства для реализации конкретной стратегии и достижения политических целей. Тем самым в центре внимания критической геополитики оказывается политический дискурс и коммуникация, что требовало применения соответствующих методов исследования, таких как дискурс-анализ.

Другими словами, если классическая геополитика исходила из тезиса о том, что определенные географические факторы, такие как естественные границы, конкретные территории, горные цепи, морские проливы, своим объективным географическим расположением детерминируют внешнюю политику, то критическая геополитика говорит о том, что стратегическое значение данных географических факторов задается определенным политическим дискурсом, который определяет их специфические функции, придает им особую историческую и политическую значимость.

Так, Джерард О'Тоал в своей статье «Геополитические условия постмодерна: государства, государственное управление и безопасность в новом тысячелетии» приводит в качестве примера современных форм геополитического дискурса риторику президента США Билла Клинтона, когда в своем инаугурационном обращении в 1993 году он сигнализировал об изменяющемся признании форм государств, государственного управления и безопасности в мире после холодной войны.

В частности Клинтон заявил, что «… коммуникации и коммерция глобальны, и происходит формирования глобальной экономики, когда нет больше различия между иностранным и отечественным, и все мировые проблемы, начиная от распространения оружия массового уничтожения до загрязнения окружающей среды, затрагивают нас всех»[6].

По мнению О'Тоала, подобный геополитический дискурс отражает современное международные реалии, характеризующиеся нарушающими границы национального государства процессами и тенденциями, подрывающими классические геополитические представления, главным субъектом которых является национальное государство.

Следовательно, геополитические идеи и модели являются результатом определенного дискурса, отражающего конкретные реалии своей эпохи.

Как уже отмечалось, корни нового ревизионистского направления восходят к философии Мишеля Фуко и французской геополитической школе Ива Лакоста, а также геополитической концепции другого французского геополитика, Жана Готмана. Последний известен в первую очередь тем, что ввел в научный оборот понятие «иконография», под которым понималась определенная система символов и образов общественной жизни, отраженных в определенном пространстве под воздействием различных социокультурных, исторических или национальных факторов.

Как пишет М.А. Мунтян, данное понятие используется Готманом в качестве замещения понятия «образы жизни», введенного в науку еще Видалем де ла Бланшем. «Иконографии» у различных сообществ имеют соответствующие отличия, но при этом обязательно включают в себя следующие элементы: политическое настоящее и прошлое, средства социальной организации.

При этом Готман обращает внимание на то, что различные сообщества, народы, цивилизации и культуры создают все видимые, организованные в пространстве формы политической, общественной и частной жизни. В понятие «иконография» он включал также различные пространственные картины мира и отдельные представления, возникшие под влиянием религий, традиций, различных социальных моделей и исторического прошлого конкретных территорий со своей специфической и неповторимой культурой.

Мифы и образы прошедших эпох, разные легенды и сказания и символы культуры, топографически локализованные в определенном пространстве, являются теми факторами, которые формируют его иконографию [4].

Развитие данных положений привело к появлению в политологическом дискурсе тезиса о том, что в современной геополитике и международных отношениях важную роль играют национальные образы.

При этом каждый геополитический актор, и в первую очередь государство, заинтересован в формировании определенного образа иных государств или сообществ не менее чем собственного образа.

К тому же на восприятие современных политических процессов огромное влияние оказывают различные информационно-коммуникативные технологии и средства массовой информации, благодаря которым различные политические процессы воспринимаются простыми людьми в виде определенных картинок или образов, редуцирующих сложные и неоднозначные события с целью более простого и нерефлексирующего усвоения.

Это позволило немецкому философу и социологу Юргену Хабермасу ввести (по аналогии с понятием «идеология») новый термин, характеризующий основу политики – «имагология».[7].

Под данным понятием Хабермас понимал «систематическое искажение, возникающее в процессе коммуникации и ослабляющее политические действия путем формирования отношения общественности к политическим действиям как к точной копии их образов, каковыми они являются» [12].

Иными словами, как пишет Сергей Ширин, имагологию можно понимать как выражение системы взглядов, облечённое не в форму идей, а в форму образов, необходимых для подтверждения данной системы взглядов [5, с. 16].

Критическая геополитика же как раз и занимается анализом того, как формируются конкретные геополитические представления, конструируемые в определенные модели и свертываемые в определенные образы. Данная наука изучает способы и механизмы, при помощи которых сложные и неоднозначные процессы мировой политики презентуются в более удобной для восприятия системы географических мифов и образов, или, другими словами, упрощают картину мира, или, например, представления о других странах и народах. Следовательно, теоретические взгляды представителей критической геополитики во многом соотносятся с «имагологией» Ю. Хабермаса.

Таким образом, критическая геополитика своей главной задачей видит изменение представлений о геополитике как о научном направлении в теории международных отношений.

Так, Джон Агнью рассматривал геополитику как определенный способ изучения того, «как в реальности политические географы пространственно представляют, дробят и классифицируют мир и упорядочивают его в виде иерархии более и менее важных территорий» [9].

Или, например, Джерард О'Тоал в своих исследованиях осуществляет деконструкцию существующих геополитических положений и концепций, которые зачастую представляют собой удобные для восприятия различными социальными группами или общностями интеллектуальными пос-

троениями, но оторванными от реальности и игнорирующие или искажающие не вписывающиеся в общую геополитическую модель факты. Кроме этого, многие геополитические представления и модели так или иначе отражали определенный дух своего времени, некоторые реалии своей эпохи и, следовательно, имели конкретную связь с реальными геополитическими практиками и служили для их оправдания или легитимации.

В этом плане, как пишет О.И. Ляховенко, О'Тоал рассматривает концепцию «Хартленд» Хелфорда Маккиндера как интеллектуальную реакцию аристократической британской военной и политической элиты на принципиально новые вызовы начала XX века, связанные с индустриализацией и модернизацией. [2, с. 29].

В конфликтологическом контексте это означает, что фактически объектом исследования для критической геополитики являются различные геополитические модели и концепции подобно теории хартленд-римленд. С точки зрения критического подхода и Маккиндер, и Спайкмен создали некоторый географический образ, определенную картину мира, изобразив на ней зоны возможных конфликтов. В соответствии с реалиями эпохи, в которой жили эти ученые, их идеи были восприняты политическими элитами их стран. Соответственно, «потенциальные зоны конфликтов» могут превратиться в реальные места столкновений интересов великих держав, если политические элиты будут воспринимать их как жизненно важные для национальных интересов своих стран.

Таким образом, критическая геополитика видит истоки геополитических конфликтов в первую очередь не в объективных географических различиях или в перманентной борьбе за стратегически важные территории, а в определенных идеях и представлениях политических элит или конкретных общностей (например, этнических общностей), которые способны актуализировать в глазах общественного мнения важность тех или иных территорий, которые зачастую имеют сильное символическое значение, или же сформировать представления об определенных угрозах безопасности. Последние также могут выступать одной из основ формирования определенной геополитической идентичности.

В рамках настоящей работы под геополитической идентичностью мы понимаем совокупность представлений о государстве, его роли и месте в мире, которые формируются через его соотнесение с другими государствами и политическими сообществами (актуальными Другими) в логике оппозиции «Мы – Они», а также – через маркирование его границ, главным образом символических.

За счет угроз извне создаются определенные границы влияния государства, не всегда совпадающие с его политическими границами.

В данном контексте критическая геополитика пересекается с теорией секьюритизации в теории международных отношений, которая по-новому рассматривает проблемы безопасности и конфликтов в современном мире.

Теория была разработана в рамках Копенгагенской школы по исследованию проблем безопасности и международных отношений Б. Бузаном и О. Вейвером. Данная школа, используя различные идеи социологической теории, а также философии, обратились к критике традиционного понимания безопасности, связанного с узкой объективностью позитивистского подхода к данной проблеме, представляющего собой государственно-центричный взгляд, в фокусе которого находится военный фактор.

В результате разработанная Б. Бузаном и О. Вейвером теория секьюритизации производит деконструкцию классического концепта безопасности, изучая, как некий объект начинает рассматриваться в качестве угрозы, то, как он политизируется в рамках определенного контекста, и, следовательно, секьюритизируется [8].

Другими словами, Бузан и Вейвер трактуют безопасность не как объективную категорию, а как дискурсивную практику, направленную на изменение иерархии политических приоритетов. Если проблема получает высокую степень политической актуализации, это значит, что ей присваивается статус экзистенциальной угрозы, требующей от общества чрезвычайных мер противодействия. Следовательно, основное внимание исследователей смещается от изучения угроз как таковых к анализу их актуализации в конкретном социально-политическом или историческом контексте.

Соответственно, основным объектом исследования в теории секьюритизации становятся конкретные исторические и политические условия, способствующие формированию образа врага, который нередко используется как инструмент консолидации различных социальных групп и общностей

против тех или иных государств и сообществ. В этом плане критическая геополитика исследует определенный дискурс, касающийся, например, принадлежности или особой важности какой-либо территории или затрагивающий различные варианты и формы стратегии в отношении каких-либо государств или общностей.

Таким образом, представители данного направления видят детерминанты конфликтов не в объективной борьбе континентальных и морских держав, а в конфликтогенных геополитических представлениях и идеях, формирующих «географический образ врага».

При этом для современной геополитики является важным вопрос о соотношении между геополитическими идеями, формальным геополитическим дискурсом и реальной геополитической практикой. Во многих геополитических конфликтах современности конструирование «образа врага» является одним из средств мобилизации населения.

Например, в современном российском геополитическом дискурсе актуализировалась тема Крымского полуострова. После присоединения данной территории к Российской Федерации в 2014 году наблюдается стремительная консолидация российского общества и рост доверия к политической элите страны. Одновременно как во внутрироссийском медийном пространстве, так и в мировых СМИ внутренний политический кризис в Украине стремительно приобретает черты регионального геополитического конфликта, основными участниками которого являются уже не Россия и Украина, а Россия, противостоящая «агрессивному Западу» во главе с США. При этом конфликт между Россией и США вместе с отдельными государствами Европейского Союза пока не носит характер активного геополитического противостояния, а носит, скорее, характер дискурса, в котором российская сторона, по меткому выражению канцлера ФРГ Ангелы Меркель, демонстрирует старое мышление относительно сфер влияния, т.е. территориальные категории, характерные, скорее, для классической геополитики. Как следствие, появляются различные геополитические проекты вроде «Новороссии», а Крым представляется «непотопляемым авианосцем», владение которым позволяет контролировать Черноморско-Азовский регион.

Россия же приобретает свою новую систему ценностей, свою идентичность, отличную от «западных ценностей», которая имеет ярко выраженное геополитическое измерение.

В целом же с точки зрения критической геополитики данный конфликт обусловлен определенными геополитическими представлениями политической элиты страны, придающей важнейшее значение в российской геополитике территории Крыма и рассматривающей Украину как свою сферу влияния.

При этом данные представления, реализованные и реализуемые на практике, оказались активно восприняты значительной частью российского общества, что косвенно говорит о том, что подобные представления содержались и ранее в части российского социума.

Таким образом, критическая геополитика видит детерминанты геополитических конфликтов в определенных конфликтогенных геополитических представлениях, идеях, задающих направленность и характер геостратегии.

Критическая геополитика не предлагает нового понимания феномена геополитических конфликтов, но критикует классическую геополитику за поверхностный анализ международных отношений и географический детерминизм, при этом не умаляя значения географического фактора в целом.

---

1. Исаев, Б.А. Геополитика: Учебное пособие [Текст] / Б.А. Исаев. СПб.: Питер, 2006. 384 с.

2. Ляховенко, О.И. Концепция критической геополитики Дж. О'Тоала: на пути к осмыслению геополитики XXI века [Текст] / О.И. Ляховенко // Критическая геополитика. Сборник статей № 1. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС 2014. С. 29.

3. Моро-Дефарж, Ф. Введение в геополитику. [Электронный ресурс] / Ф. Моро-Дефарж // Библиотека Михаила Грачева 14.02.2001. URL: http://grachev62.narod.ru/dfrg/chapt00.htm (дата обращения: 21.04.2015).

4. Мунтян, М.А. Жан Готтман и его геополитическая концепция [Электронный ресурс] / М.А. Мунтян // Виперсон: электронная библиотека. URL: http://viperson.ru/articles/zhan-gottman-i-ego-geopoliticheskaya-kontseptsiya (дата обращения: 21.04.2015).

5. Окунев, И.Ю. Критическая геополитика и постмодернистский сдвиг в исследовательской парадигме геополитики [Текст] / И.Ю. Окунев // Культурная и Гуманитарная география. 2012. Т 1. № 2. С. 152–158.

6. О'Тоал, Д. Геополитические условия постмодерна [Электронный ресурс] / Д. О'Тоал // Геополитика: электронный портал. 18.07.2008. URL: http://www.geopolitica.ru/article/geopoliticheskie-usloviya-postmoderna gosudarstva-gosudarstvennoe-upravlenie-i-bezopasnost-v#.VTX00iHtlHx (дата обращения: 22.04.2015).

7. Ширин, С.С. Внешнеполитические факторы формирования научных представлений об амери-

канской культуре в Великобритании и Германии. [Текст] / С.С. Ширин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 224 с.

8. Якушина, О. Теория секьюритизации в международных отношениях [Электронный ресурс] / О. Якушина // Геополитика: электронный портал. 18.07. 2008. URL: http://geopolitica.ru/Articles/1404/ (дата обращения: 22.04.2015).

9. Aghew, John A. Geopolitics: re-visioning world politics, second edition [Text] / John Aghew. 2nd ed. 2003.

10. Habermas Jurgen. The Structural Transformation of the Public Sphere. [Text] / Jurgen Habermas. Cambridge. 1989.

11. O'Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy [Text] / Gerard O'Tuathail, John Agnew // Political geography. 1992. Vol. 11. No. 2. P. 190–204.

12. Simons Jon. Ideology, imagology, and critical thought: the impoverishment of politics. [Text] / Jon Simons // Journal of Political Ideologies. 2000. Vol. 5. Iss. 1. P. 81.

References

1. Isaev B.A. (2006) Geopolitika. SPb., Piter, 384 p. [in Rus].

2. Ljahovenko O.I. (2014) Koncepcija kriticheskoj geopolitiki Dzh. O'Toala: na puti k osmysleniju geopolitiki XXI veke // Kriticheskaja geopolitika. Sbornik statej, no. 1. Noginsk, ANALITIKA RODIS, p. 29 [in Rus].

3. Moro-Defarzh F. (2001) Vvedenie v geopolitiku // Biblioteka Mihaila Gracheva. 14.02.2001, available at: http://grachev62.narod.ru/dfrg/chapt00.htm (accessed 21.04.2015) [in Rus].

4. Muntjan M.A. (2014) Zhan Gottman i ego geopoliticheskaja koncepcija // Viperson: jelektronnaja biblioteka. 21.07.2014, available at: http://viperson.ru/articles/zhan-gottman-i-ego-geopoliticheskaya-kontseptsiya (accessed 21.04.2015) [in Rus].

5. Okunev I.Ju. (2012) *Kul'turnaja i Gumanitarnaja geografija*, t. 1, no. 2, pp. 152–158 [in Rus].

6. O'Toal D. (2008) Geopoliticheskie uslovija postmoderna // Geopolitika: jelektronnyj portal. 18.07.2008, available at: http://www.geopolitica.ru/article/geopoliticheskie-usloviya-postmoderna gosudarstva-gosudarstvennoe-upravlenie-i-bezopasnost-v#.VTX00iHtlHx (accessed 22.04.2015) [in Rus].

7. Shirin S.S. (2008) Vneshnepoliticheskie faktory formirovanija nauchnyh predstavlenij ob amerikanskoj kul'ture v Velikobritanii i Germanii. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 224 p. [in Rus].

8. Jakushina O. (2008) Teorija sek'juritizacii v mezhdunarodnyh otnoshenijah // Geopolitika: jelektronnyj portal. 18.07.2008, available at: http://geopolitica.ru/Articles/1404/ (accessed 22.04.2015) [in Rus].

9. Aghew, John A. (2003) Geopolitics: re-visioning world politics, second edition. 2nd ed. [in Eng].

10. Habermas Jurgen (1989) The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge [in Eng].

11. O'Tuathail G., Agnew J. (1992) *Political geography*, vol. 11, no. 2, pp. 190-204 [in Eng].

12. Simons Jon (2000) *Journal of Political Ideologies*, vol. 5, iss. 1, p. 81 [in Eng].

UDC 327.5

CONFLICTOLOGICAL ANALYSIS OF CRITICAL GEOPOLITICS

Bagnyuk Vitaliy Evgenyevich,
Saint-Petersburg State University,
Institute of Philosophy, Department Chair of Conflict management,
Saint-Petersburg, Russia.
Email: vit1945@rambler.ru

Annotation
The article gives the conflictological analysis of the main theoretical theses of critical geopolitics. The undertaken analysis helped to state that critical geopolitics considers the following factors to be the most defining and contributing to the rise of geopolitical conflicts – certain conflictogenic geopolitical perceptions and ideas shaping the course and the character of foreign policy. Geopoltical conflict itself being a phenomenon of global policy is considered as a result of constructing in public mind some geopolitical ideas about strategic importance of certain territories and regions or possible threats to national security.

Key concepts:
geopolitics,
critical geopolitics,
geopolitical conflicts,
geographical imagination,
geopolitical discourse.